

Последний шанс быть любимой

(ОТРЫВКИ ИЗ КНИГИ «ТРИ ГОДА, ЧТОБЫ УМЕРЕТЬ»)

Жан НОЛИ

АВГУСТ — неблагоприятная пора для прессы. Люди лежат на пляжах, плещутся в морях и озерах, отдуваясь, карабкаются в горы, вскапывают огород у себя на даче и совершенно забывают чтение газет. Тиражи изданий падают. Их хозяева и акционеры терпят сон и становятся нервными. «Какую найти сенсацию, чтобы взвинтить тираж?» — этот вопрос неотступно преследовал моего главного редактора и его помощников.

— Вот если бы Пиаф вышла замуж... — раздумчиво произнес во время очередной нашей утренней летучки Уг Вассаль.

— Гениально! — подскокил в своем кресле редактор. — Немедленно отправляйтесь к ней на юг и привезите мне оттуда... м-м, да-да, записочку, написанную ее собственной рукой, где она объявит о своем скором замужестве.

— Но... — пролепетал Вассаль, осознав свой ляп.

— Вы умница, Уг, и получите хорошую премию... — бесцеремонно прервал его редактор.

В Канне был самый разгар пляжного сезона. Но едва мы переступили порог апартаментов, которые Пиаф снимала для себя и своей «свиты» в отеле «Мажестик», как море, солнце, голубое небо и пляж остались где-то очень далеко. Здесь царил глубокий полумрак. Станки низко опущены, гардины плотно задернуты. В салоне горела маленькая настольная лампочка и было душно, как в парилке. Дело в том, что Эдит избегала опасных для ее здоровья солнечных лучей.

При виде нас с Угом она устало махнула рукой. Капли пота блестели у нее на лбу, катились по щекам. Тео время от времени аккуратно вытирал их и подносил к ее губам стакан с минеральной водой... Музыканты, секретарша и шофер, сидевшие кружком возле певицы, потихоньку удалились в соседнюю комнату.

— Ну, какая нелегкая вас принесла? Выкладывайте, что вы там еще застряли? — спросила она нас в лоб, мгновенно выйдя из состояния полудремы.

Я мямля, не зная, с чего начать. Мне на помощь пришел Уг.

— Видишь ли, Эдит, — начал он с наигранной небрежностью, — несколько дней тому назад ты мне сказала, что хотела бы выйти замуж за Тео.

— Да, Уг, это правда.

— Ну, вот... и мы бы хотели знать... когда состоится церемония. Понимаешь, нам бы ужасно хотелось сообщить об этом первым...

При этих словах Эдит обернулась к Тео и, поспав ему нежную и заговорщицкую улыбку, спросила:

— Что, может, скажем им?

— Как тебе угодно.

Несколько секунд она выдерживала паузу, подогревая наше нетерпение, затем произнесла:

— Мы с Тео поженимся в октябре.

Тут она снова устремилась на своего возлюбленного полный обожания взгляд, и он ответил ей тем же, низко склонившись к ней и взяв ее за руку. Воспользовавшись трогательным моментом, я, в свою очередь, взял слово:

— Кстати, Эдит, вам не составило бы труда собственноручно черкнуть для нас маленькую информативную об этом решении?

— Принесите мне ручку и бумагу, — велела она.

И, прикусив кончик языка, стала старательно выводить: «Эдит Пиаф объявляет, что в октябре состоится ее бракосочетание с Тео Сарапо».

— Ну вот, — произнесла она, протягивая мне готовый «документ», — теперь я попала в мышеловку. Надеюсь, что по крайней мере это поднимет тираж вашей газеты.

ВО ВРЕМЯ своих гастролей в Ницце, Канне и Монако Эдит имела возможность убедиться, что объявление о предстоящем замужестве нисколько не пошатнуло ее популярности. Всякий раз ее появ-

Окончание. Начало см. «За рубежом» № 10.

ление на сцене сопровождалось шквалом оваций. Зато Тео зрители встречали настороженно, явно не собираясь прощать ему промахи. Как это ни парадоксально, но, восприняв с пониманием желание Пиаф связать свою жизнь с этим молодым человеком, люди очень неодобрительно расценили его собственное намерение стать супругом знаменитой певицы. У них вызвала серьезные сомнения искренность чувств, которые бывший парикмахер питал к их миру. Они подозревали его в каких-то «сугубо эгоистичных» интересах. Но мы-то, те, кто успел хорошо узнать Тео, теперь совершенно не сомневались: «грек» просто-напросто попал в рабство к Эдит и боготворил эту женщину...

Итак, Тео выступал в первом отделении их совместной программы. И это был для него настоящий поединок с находящейся на отдыхе праздной публикой, настроенной весьма лихо и способной, если здорово ее раззадорить, запустить в незадачливого артиста помидором. Но прибегать к этому языку эстрадного общения не понадобилось. Дебютант хоть и держался немного скованно, однако пел задушевно и благозвучно, чем приятно поразила зрителей.

После каждой песни он опасливо коснулся в сторону кулис, где стояла Эдит. На той же просто не было лица от волнения. Ей было совершенно необходимо, чтобы Тео имел успех. Речь шла, разумеется, прежде всего о собственном престиже певицы. Однако на карту была поставлена еще и сама ее любовь. Окажись избранник Эдит жалким, нелепым и посредственным, она могла бы, не дрогнув, порвать с ним и отправить его назад к бигуди и расческам.

Когда Тео заканчивал четвертую песню, из-за кулис под неистовые аплодисменты публики неожиданно выходила сама Эдит. Проворными шагами приближаясь к микрофону, она вставала рядом с певцом. И вместе они исполняли «Зачем нужна любовь» — песню, специально написанную для них Мишелем Эмером и ставшую их гимном. Он, высокий и нескладный, она, маленькая и болезненно-хрупкая, вели в ней между собой полусухоулыбчивый диалог, пытались выяснить, что несет с собой это чувство. По его мнению, выходило, что главным образом неприятности, по ее — что совсем наоборот, что на свете нет ничего прекраснее... Вот так, влюбленно глядя друг другу в глаза, они обменивались репликами. Это могло бы выглядеть смешно и даже бесстыдно. Но столько было нежности, столько отчаяния в голосе Эдит, что в эти минуты она вызывала к себе скорее жалость...

СВАДЬБА была назначена на 9 октября, то есть сразу после завершения большого цикла сольных концертов Пиаф в парижской «Олимпии». Уступив детскому капризу Сарапо, она согласилась произвести в своей квартире предсвадебный ремонт: отделать и обставить салон и библиотеку в соответствии со вкусами будущего супруга. Импресарио Лулу Барье попытался отговорить ее от этого безумства: она задолжала налоговому ведомству несколько миллионов, а на банковском счету было почти пусто. Но тщетно: когда Эдит была влюблена, то не могла ни в чем отказать любимому.

...О ее триумфальных выступлениях в «Олимпии» — последних в ее жизни в этом зале — написано очень много. Я же скажу лишь одно. То, что она совершала там каждый вечер, тем более грандиозно и поразительно, что перед выходом на сцену ей неизменно приходилось принимать кучу всевозможных таблеток и делать по несколько стимулирующих уколов — иначе она просто не смогла бы дер-

Эдит Пиаф и Тео Сарапо ставят подписи под брачным контрактом. Октябрь 1962 года.

жаться на ногах, настолько ужасно было тогда ее физическое состояние. Нам всякий раз бывало страшно, что она умрет на сцене — как Мольер. И публика тоже прекрасно отдавала себе отчет в том, что у нее на глазах совершается настоящий артистический подвиг. И потому буквально штормовала зал. Все проходы в партере были забиты приставными стульями...

НАКОНЕЦ, «олимпийский марафон» завершился. Когда, дав свой последний концерт, Эдит, измученная, вернулась домой, в ее спальне на кровати уже лежал кремный костюмчик от Шанель — свадебный наряд. Она долго смотрела на него, не говоря ни слова. Потом, обратившись к Тео, произнесла:

— Я хочу лечь спать...

Было два часа ночи. А в полдень их уже ждали в мэрии 16-го округа, где должна была состояться гражданская церемония бракосочетания...

Я не был ни среди тех тысяч парижан, что выстроились вдоль улиц, по которым проезжал свадебный кортеж, ни среди тех, кто в надежде увидеть новобрачных толпился и грубо толкался у входа в мэрию и внутри помещения. Я не слышал, как Эдит произнесла торжественное «да». Не видел, как она вышла на балкон административного здания вместе со своим мужем, чтобы приветствовать толпу. Я предпочел дожидаться ее на бульваре Ланн...

Когда новобрачные вошли в квартиру, Эдит была очень бледна, однако широко улыбалась, опираясь на руку своего мужа — ужасно элегантного в своем черном костюме из альпаги. В мгновение ока салон наводнили толпа приглашенных, а также целая свора газетчиков и фоторепортеров. Тео окружили дамы-журналистки, пишущие статьи на семейно-психологические темы. Всем им нужно было услышать от него ответ на два «основополагающих» вопроса: «Как вы себя чувствуете в роли мужа женщины, которая старше вас на двадцать лет?» и «Собираетесь ли вы иметь детей?». На первый вопрос он неизменно отвечал: «У Эдит характер ребенка». По поводу второго замечал осторожно: «Это как решит моя жена».

В пять вечера состоялось венчание в русской церкви на улице Дарю — так захотел Тео, исповедовавший православную веру. И здесь тоже было огромное скопление народа.

ПОСЛЕ своего замужества и последующего за этим курса дезинтоксикации (необходимость такого лечения была вызвана длительным приемом наркотических препаратов. — Ред.) она вместе с Тео отправилась на гастроли в Голландию и Бельгию.

В Брюсселе мы с Вассалем и настигли наконец супругов. Нам было велено сделать о них сенсационный фоторепортаж: Пиаф и Сарапо, взявшись за руки, тихо-мирно прогуливаются в каком-нибудь красивом парке. Мы зашли в гостиницу «Амиго», где они остановились, и попали... в разгар семейной сцены. Из-за дверей их номера неслись крики:

«Ты поешь совершенно неубедительно! Ты занимаешься трюкачеством!..»

Мы решили на всякий случай переждать, пока страсти улягутся. Однако, ступив на тропу «войны», Эдит, похоже, не собиралась с нее сходить. В конце концов мы не выдержали и постучались.

Эдит сидела в гостиной одна: Тео ушел в соседнюю спальню «дуться», как объяснила нам она сама. Мы поудобнее устроились в креслах, чтобы спокойно дожидаться, когда пройдет буря и проглотит солнышко. Через некоторое время Эдит тяжело вздохнула и бросила, ни к кому не обращаясь:

— Почему я так ору, надрываюсь? Потому что желаю ему добра. Нельзя, чтобы он допускал ту же ошибку, что допускают сегодня все начинающие певцы. Они думают, что если их диски продаются, это значит, что они уже победили. В этой профессии победить невозможно никогда. Это ужасная профессия, где ничего нельзя пускать на самотек. Да, час славы может продлиться для каждого. Но чтобы его продлить, надо вкалывать безостановочно! Посмотрите на Шарля Азнавура, на Жильбера Беко — эти двое станут настоящими «звездами» не на час, а очень надолго. А вам известно, как они работают, готовя программу? По пятнадцать часов в сутки! А Морис Шевалье, который, кажется, поет без малейшего усилия? Не меньше! И я тоже... Чего не хватает Тео, так это жизненных трудностей — он никогда не знал нищеты и нужды... В мое время, чтобы прожить, надо было вначале петь по ресторанам или просто на улице. Сейчас же новых певцов выпускают, как новое мыло. Они и делятся столько, сколько кусочек мыла...

Произнес свой монолог, Эдит умолкла. И сделав еще один глубокий вздох, позвала:

— Тео, Тео!

Он появился в дверном проеме — обиженный, с красными глазами. Она помянула его к себе пальцем, и он послушно приблизился.

— Поцелуй меня, дурачок, — просила она.

...На следующее утро Вассаль смог сделать снимки для нашего репортажа: идиллия в брюссельском парке.

В АВГУСТЕ 1963 года Тео снял для Эдит виллу неподалеку от Мужена на Средиземноморском побережье. Мы с Вассалем, оказавшись в тех краях по своим репортерским делам, заехали туда навестить певицу. Мы застали ее в саду в обществе мужа и медсестры Симоны Маргантен. Она полулежала в шезлонге, обложенная со всех сторон подушками. Над головой ее был раскрыт зонтик от солнца, на глаза надеты темные очки. Они то и дело соскальзывали ей на нос, что ужасно ее раздражало. Тео осторожно и ласково водружал их на место. В руке у нее была чашка чая. Когда она подносила ее ко рту, рука сильно дрожала и жидкость текла по щекам, проливалась на голубой халат.

Мы провели возле нее полчаса. Говорила она мало и урывками: начинала фразу и бросала, не закончив. Я внимательно вглядывался в ее лицо, и мне казалось, что временами глаза, спрятанные за темными стеклами очков, закрывались и она дремала. Ни разу Эдит не упомянула о своей работе: будто уже отказалась строить планы, будто признала себя окончательно побежденной болезнью. Каким-то образом наш бессвязный разговор перекликивался на Шарля Азнавура. И Эдит рассказывала, что он накануне приезжал ее проведать, очень тронув своим вниманием.

— Он так мило нас развлекал. Даже станцевал специально для меня русский танец, — оживившись, вспоминала она. И, помолчав, добавила: — Шарль — один из немногих, кто предложил мне денежную помощь...

Сказала и снова погрузилась в дрему... Когда мы уже собирались откланяться, Эдит заговорила с нами о своем муже:

— Тео собирается перебраться отсюда в Париж. Он ведь сейчас снимается в фильме «Жюльен» — это его первая проба в кино... Мне бы очень хотелось, чтобы вы его поддержали. Постарайтесь побольше о нем писать в своей газете. Люди недолюбливают Тео, плохо о нем думают... Пожалуйста, помогите ему.

Окончательно впад в апатию, она позволила Тео и медсестре Симоне поднять себя с шезлонга и под руки увести в дом.

Ей оставалось жить меньше двух месяцев...